

Моск. киносеминары, 1981

29 мая

ПИСЬМО В ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ

Нонна МОРДЮКОВА:

«ЗНАКОМСТВО С НЕОБЫКНОВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ»

ПОМНЮ, что уже тогда, на старте кинематографической деятельности, во времена учебы в Институте кинематографии, фамилия Чухрай имела и свою историю, и особый смысл и вес. В те годы в институты шли кто со школьной скамьи, кто — таким был и Григорий Наумович Чухрай — отшагав войну. Но ни словом, ни поступком Гриша Чухрай, молодой, чубатый, худой парень-фронтовик никогда не «давил» на окружающих своей военной биографией. Наоборот, я запомнила его человеком прямым, спокойным и скромным. И все же то обстоятельство, что молодой человек прошел десантником всю войну, что судьба кидала его то в глубокий тыл врага, то на передовую, то в госпиталь — как бы сообщало его личности постоянное, неустанное духовное движение.

За спиною, и обязательно за спиною, шли его друзья. Он словно предводитель. Вот каким запомнился мне Григорий Чухрай в институте. Нравились или не нравились мне потом иные фильмы Григория Наумовича, у меня сложилось мнение о нем как о человеке сильном, волевом, талантливом и немногословном.

И вот впервые за десятки лет судьба свела нас на «Трясине». Совместная работа как нельзя лучше знакомит, сближает, роднит людей. И выяснилось, что до «Трясины» я знала Григория Наумовича однобоко и поверхностно.

Тихо и спокойно, с сипотцой говорит Григорий Наумович. Его манера работать может со стороны показаться процессом излишне размеренным, даже монотонным, лишенным внешнего темперамента: ждешь, привыкнув к суете на съемочной площадке, что в такой обстановке все кругом должно погаснуть, актеры должны остыть, искусство исчезнуть. Так нет же. Удивительное дело: этим тихим, доброжелательно-нейтральным тоном актеру предлагаются такие интересные задачи, что его эмоции моментально мобилизуются, и

актер, что называется, выкладывается до конца, повинаясь задуманной режиссером идее. Я никак не могла понять, почему так происходит: Григорий Наумович вроде бы почти равнодушно «подбрасывает» задание, а я наполняюсь такой силой, что, кажется, горы могу свернуть, могу сыграть все и вся. Это, наверное, от точного и глубокого знания актерского организма, от умения небольшую деталь эпизода вписать в общий игровой рисунок фильма. Я знаю и таких режиссеров, которые заданиями узко практическими, конкретным показом могут овладеть актерской эмоцией. Григорий Наумович — только словом. Какое же оно должно быть емкое и заразительное!

Он всегда в делах, в поездках, в думах. Этот человек для меня сам по себе, свойствами души своей есть воплощение тех канонов прекрасного, которые необходимы искусству. Конечно, не безоблачна жизнь. Все бывает. И старые ранения в больницу иногда отправляют, и порой мучительно ищется тема для будущего фильма, да мало ли что в нашей жизни порой приносит боль? Но вот что важно. Помню, как на одной из первых репетиций Григорий Наумович гневно отреагировал на рассказанный кем-то из актеров неприличный анекдот. У режиссера просто-напросто идиосинкразия против пошлости. А однажды, вступившись за честь женщины, он ударил пошляка. Григорию Наумовичу объявили выговор, через полгода выговор сняли. А я хохотала до упаду — даже и представить не могла себе Григория Наумовича таким решительным. Впрочем, не могла я его представить и приземляющимся на парашюте бог знает где — сквозь огонь и дым...

Вот каков он, Григорий Наумович Чухрай. Принимая во внимание его размеренный, неторопливый шаг и спокойный взгляд, знайте: за ними — огромная сила души, творческая мощь художника и гражданина.